

Н.И. Лопатина

Силуэты русского Гофмана

Роль Э.Т.А. Гофмана в истории русской культуры поистине удивительна и уникальна. Пожалуй, трудно назвать другого иностранного писателя, который смог бы столь же органично вписаться в отечественный контекст, так же решительно повлиять на вкусы читающей публики многих поколений. Гофман пришелся в России «ко двору», поселился и укоренился здесь, щедро одарив наше искусство, вдохновляя и будоража фантазию своих русских коллег: литераторов, музыкантов, художников. Постоянное присутствие этого автора в русской словесности было настолько ощутимым, что подчас он воспринимался не только как современник, но и как соотечественник. Это казалось не столь уж неправдоподобным, если учесть эксцентричный характер и творческую универсальность великого романтика: «...мало ли штук делал он в жизнь свою; чем он не был: и юристом, и декоратором, и журналистом, и стенным живописцем. Отчего же не быть ему русским литератором?» — писал в 1836 г. В.П. Боткин.

На протяжении почти двух веков Гофман был и остается одним из самых любимых, популярных, часто издаваемых в России европейских писателей. Им зачитывались аристократы и разночинцы, западники и славянофилы, религиозные философы и революционеры. С его книгами не расставались даже в самые мрачные «минуты житейской невзгоды»: В.К. Кюхельбекер читал их в Шлиссельбургской крепости, М.Ю. Лермонтов — находясь под арестом после очередной дуэли; А. И. Герцен написал восторженную статью о Гофмане в вятской ссылке.

Наша книга представляет собой антологию высказываний о Гофмане деятелей русской культуры — не только писателей, но и художников, режиссеров, композиторов, критиков, философов. В ней сведены вместе тексты разных жанров: художественные произведения и письма, воспоминания и дневники, статьи и лекции, киносценарии и интервью. Прежде

всего, мы стремились собрать воедино богатейший материал, рассредоточенный в разных источниках. В своей совокупности эти материалы должны дать достаточно полное представление о том, насколько разнообразны проявления «гофманианства» в отечественном искусстве, как много очень непохожих друг на друга художников вели постоянный творческий диалог с создателем «Крейслерианы».

Конечно, увлечение отечественной читающей публики Гофманом не было равномерным и постоянным, акценты интереса к его наследию со временем смещались; были у него не только поклонники, но и суровые критики, оппоненты, даже гонители. Их мнения также представлены в книге, помогая осознать участие Гофмана в формировании эстетических ориентиров русской культуры как сложный и драматичный процесс. Полемические схватки вокруг имени писателя подтверждают актуальность его творчества, живую заинтересованность его идеями и образами гораздо убедительнее.

Несмотря на популярность Гофмана, его укоренение в почве русской культуры было долгим и непростым. Многие страстные его почитатели вначале знакомились с его творчеством по французским переводам. Интересно в этом отношении свидетельство юриста В.Ф. Ленца об эпохе 1830-х гг.: «Фантастические сказки Гофмана в это самое время были переведены в Париже на французский язык и благодаря этому обстоятельству сделались известны в Петербурге. Тут во всем главную роль играл Париж. Пушкин только и говорил, что про Гофмана...». Любопытно, что ведь и литературной основой знаменитого балета «Щелкунчик» послужила не сама сказка Гофмана, а ее вольный пересказ, созданный А. Дюма. Увлечение Гофманом побудило взяться за перо многих не слишком умелых переводчиков. Но даже неудачные переводы не помешали Гофману прочно занять свое место на российском литературном Олимпе, обрести своих почитателей, продолжателей и подражателей. Наши писатели увидели в творчестве Гофмана не просто совокупность эф-

фектных художественных приемов, но некий «магический кристалл», позволяющий наиболее адекватно осмыслить и отобразить непредсказуемую, неподвластную формальной логике российскую действительность. Порой казалось, что и сама эта действительность является порождением фантазии некоего (по выражению В.В. Маяковского) «небесного Гофмана», немецкий романтик из описателя гротескно-фантазмагорического мира превращался в его демиурга.

Можно долго спорить о том, подражал ли Гофману Одолевский, есть ли следы его непосредственного воздействия в «Пиковой даме» Пушкина, какова его роль в формировании поэтики Гоголя и Достоевского. Но нельзя отрицать, что без влияния немецкого романтика весь облик русской классической литературы был бы совершенно иным, утратил бы очень существенные черты, а возможно — и самые яркие краски.

И если в XIX веке это влияние ограничивалось главным образом сферой литературы (балет П.И. Чайковского в данном случае — исключение!), то в XX столетии оно значительно расширилось, таинственную его власть ощутили на себе театр, кино, музыка, живопись. Так, эстетические идеи Гофмана нашли свое продолжение в исканиях новаторов театра Серебряного века В.Э. Мейерхольда, Н.Н. Евреинова, А.Я. Таирова; каждый из них взял у автора «Кота Мурра» нечто наиболее близкое и интересное для себя и блестяще преобразил в новые формы сценической выразительности. Возникает в начале XX в. и новая культура театра-кабаре, где Гофман опять приходится очень кстати. В «Бродячей собаке» и «Привале комедиантов» его считают своим. Роман «Серапионовы братья» подарил свое имя известной литературной группе.

В какой-то момент Гофман становится даже фигурой политической. Его «неблагонадежность» уже в конце 1920-х гг. была замечена бдительной марксистской критикой, не поощрявшей живого интереса к писателю и напуганной количеством изданий его сочинений (см. статью И. Марцинского).

В 1946 г. чуждость Гофмана советской идеологии и социалистическому реализму была закреплена в Постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград». Многие русские писатели дорого заплатили за право быть последователями мистика и визионера в рационалистическую, «жизнеутверждающую» эпоху. Достаточно вспомнить судьбы репрессированного экономиста и библиофила А.В. Чаянова, выпускавшего в 20-е гг. изящно-гротескные романтические повести под псевдонимом «ботаник X»; выдающегося прозаика С.Д. Кржижановского, не сумевшего при жизни опубликовать ни одного крупного произведения; или М.А. Булгакова, постоянно подвергавшегося изощренной травле. Объектом весьма жесткой критики часто становилась и группа «Серапионовы братья». Но, несмотря на все гонения, притеснения и умолчания, гофмановская линия почти не прерывается в русской литературе с пушкинской эпохи до наших дней.

Судьба Гофмана в России была насыщенной, интересной, порой очень трудной и даже трагичной, но, пережив все эти перипетии, писатель нисколько не устарел. Его творчество, да и сама его жизнь остаются предметом пристального внимания литераторов, композиторов, художников конца XX века. Николай Каретников пишет музыку к балету «Крошка Цахес». Кстати сказать, именно этот персонаж к исходу столетия становится одним из самых популярных гофмановских образов. К нему обращаются Андрей Синявский в повести «Крошка Цорес» и петербургская писательница Елена Чижова в своем блестящем дебютном романе «Крошки Цахес». Этот же герой — одно из главных действующих лиц пьесы драматурга Сергея Рыбалки «Гофманиана, или Крошка Цахес Forever!» Любопытно, что в последнее время Гофман и его персонажи все чаще становятся героями драматургических сочинений (В. Розов, О. Постнов). В конце XIX века Д. И. Лобанов, не мудрствуя лукаво, инсценировал несколько самых популярных новелл романтика, объединив их общим главным героем и дав ему фамилию

Гофман. Современные драматурги раскрывают характер взаимоотношений между автором и его персонажами, используя гораздо более сложные и тонкие ходы; они не боятся парадоксальных решений; их в равной степени интересует и реальная жизнь писателя, и стихия его воображения — на пересечении этих миров и возникает часто основная интрига пьесы.

Не расстался с немецким фантастом и XXI век, об этом свидетельствуют и новые издания, и сценические интерпретации его произведений. Одним из самых ярких событий художественной жизни первых лет нового века стала постановка «Щелкунчика» на сцене Мариинского театра, автор принципиально иной художественной концепции балета — Михаил Шемякин. В Александринке был поставлен талантливый спектакль по мотивам гофмановской «Крейслерианы», а в Театре-студии О. Табакова — инсценировка «Песочного человека».

История «русского» Гофмана — это еще и история неосуществленных замыслов, нереализованных проектов. Их количество оказалось весьма внушительным: ненаписанные романы и картины, не дождавшиеся своей постановки пьесы и сценарии, неизданные иллюстрации. Кинематографическая судьба Гофмана в России, можно сказать, пока не осуществилась. Внимание к нему проявили только аниматоры. Недавно был снят уже второй мультфильм по мотивам балета «Щелкунчик». М. Шемякин и С. Соколов приступили к работе над анимационной «Гофманиадой» по рисункам Шемякина. Задуманные же в свое время проекты художественных фильмов не состоялись. В сборнике представлены фрагменты сценариев двух неосуществленных фильмов — это экранизация повести «Госпожа Скюдери», которую намеревался осуществить в 1919 г. Б. Захава, и «Гофманиана» А. Тарковского. Жаль, что никто никогда не увидит этих картин, но оставшиеся материалы дают хотя бы общее представление об интереснейших замыслах. До нас дошло лишь очень немного свидетельств о работе юного С. Эйзенштейна над те-

атральными постановками «Золотого горшка» и «Мастера Мартина», зато его сохранившиеся эскизы костюмов и декораций к опере Ж. Оффенбаха «Сказки Гофмана» поражают точностью соответствия стилистике писателя. В ряде случаев в нашем распоряжении находятся лишь очень скудные упоминания о намеченных, но неосуществленных или погибших работах: лестный отзыв об, увы, исчезнувших иллюстрациях князя Г. Гагарина к «Ночным новеллам»; строки из письма М. Чехова, где выдающийся актер высказывает желание экранизировать «Эликсиры сатаны»; листы скучной и тупой переписки с вышестоящими инстанциями по поводу цензурного разрешения на постановку «Золотого горшка» во МХАТе-2. Впрочем, великие художники наделены счастливой возможностью общаться друг с другом независимо от разделяющего их времени и пространства. Может быть, сам Гофман намного лучше нас осведомлен и о фильме Тарковского, и о задуманной, но так и не написанной большой статье В. Белинского, посвященной «Житейским воззрениям кота Мурра», и о не снятом фильме-балете Н. Каретникова «Крошка Цахес», и еще о многих начинаниях своих русских последователей и единомышленников. Но и те сведения о несостоявшихся работах, которыми располагаем мы, очень ценны для нашей темы, они позволяют хотя бы пунктирно обозначить многие малоизвестные сюжеты русской гофманианы, расширить привычные представления о границах этого явления.

Публикация полного свода отечественных произведений литературы и искусства, в которых так или иначе прослеживается влияние и тень Гофмана, заняла бы как минимум несколько десятков томов, причем включала бы в себя не только романы, повести, новеллы, но и нотные партитуры, альбомы рисунков, видеозаписи спектаклей. Форма книги и объем сборника диктовали определенные ограничения. Так, здесь полностью отсутствуют переводы, в книге представлена лишь малая часть беллетристических произведений, содержащих гофмановские аллюзии. Пришлось почти

отказаться и от включения литературоведческих исследований о Гофмане, поскольку тема антологии — не столько научное, сколько художественное освоение его наследия. Литературная критика вошла лишь фрагментарно.

Немногие мастера, увлеченные творчеством Гофмана, оставили развернутые концептуальные высказывания о немецком романтике; они не спешили зафиксировать свои суждения «для истории», многое просто не сохранилось. Конечно, не в наших силах восстановить утраченные документы, но по мере возможности мы пытались возместить возникающие смысловые пробелы материалами иного рода: свидетельствами современников, отзывами критиков.

Если русская гофманиана XIX столетия выявлена и исследована достаточно полно, то сбор материалов по XX веку, и тем более XXI, был гораздо более сложным и трудоемким, поскольку многие тексты деятелей культуры Серебряного века, художников и писателей, непризнанных при советской власти или работавших в эмиграции, оказались доступными лишь с недавнего времени. Потребовался просмотр огромного массива литературы, но эта работа, как нам кажется, оправдала себя и принесла ощутимые результаты.

В основу организации материала положен хронологический принцип, однако мы придерживались его не слишком строго и формально, чтобы не разбивать некоторые связанные сюжеты (например, историю создания и первых постановок балета «Щелкунчик» или группы «Серапионовы братья»).

Антологию открывает статья А.Б. Ботниковой о гофмановской теме в русской литературе (особенно подробно XIX столетия) и включает исследование Д.В. Фомина — о Гофмане в отечественной книжной графике XX в.

Как видно из материалов сборника, каждое поколение деятелей русской культуры находило в Гофмане нечто, соответствующее своим запросам, он давал повод для самых разнообразных интерпретаций, допускал разные уровни прочтения. «Свежесть, юмор и необыкновенная увлекательность его рассказов делает его равно доступным и занима-

тельным для читателей всех возрастов и требований», было отмечено еще в 1870-х гг. Порой влияние великого романтика было достаточно поверхностным, его воспринимали лишь как сочинителя трогательных сказок и забавных фантастических историй. Но всегда находились авторы, относившиеся к Гофману совершенно иначе, видевшие в нем глубокого философа и непревзойденного новатора; для них его имя было символом самозабвенной любви к искусству, ориентиром не только художественным, но и этическим. Наверное, ярче всего эта точка зрения выражена в известных словах Н.А. Полевого: «Надобно быть поэтом, сойти с ума и быть гением, трепетать самому того, что пишешь, растерзать свою душу и напиваться допьяна вином, в которое каплет кровь из души — тогда будешь Гофманом!»

Мы надеемся, что все, кому небезразлично имя Гофмана, примут эту книгу благосклонно и заинтересованно, что она не только поможет исследователям подвести определенные исторические итоги, но и послужит своеобразным импульсом для нового витка русской гофманианы.

В своей работе мы использовали, прежде всего, библиографический указатель З.В. Житомирской «Э.Т.А. Гофман» (М.: ВГБИЛ, 1964), обращались к книге А.Б. Ботниковой «Э.Т.А. Гофман и русская литература: (первая половина XIX в.)» (Воронеж, 1977). Ряд ценных неопубликованных документов удалось обнаружить в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Частично были использованы подготовительные материалы, в течение полувека собиравшиеся выдающимся филологом и историком Юлианом Григорьевичем Оксманом (1895—1970) для книги «А.С. Пушкин и Э.Т.А. Гофман» (РГАЛИ. — Ф.2567. Оп.1. Ед. хр. 91). Безусловно, антологию невозможно было бы подготовить без уникальных собраний и справочного аппарата центральных московских книгохранилищ — Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, Российской государственной библиотеки, Государственной публичной

исторической библиотеки, Российской государственной библиотеки по искусству. В подборе иллюстративного материала большую помощь оказал Театральный музей им. А. А. Бахрушина, а также Ярославский художественный музей. Благодарим также наших коллег А.О. Филиппова и Ю.А. Рознатовскую, в разной мере оказавших помощь в работе над сборником. Наша особая признательность — Михаилу Шемякину. Он не только с немедленной готовностью отозвался на предложение принять участие в нашей книге, создал оригинальную обложку, предоставил свои собственные рисунки и тексты, а также, со своей стороны, пригласил своих друзей и коллег, единомыслителей по гофманическому ощущению жизни.

